

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

1870 г.

ТОМЪ I.

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Печатня

В. И. Головина,

у Владимирской церкви, домъ № 15, кварт. № 3.

1870.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЕСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

ТОМЪ I.

Годъ первый. ЯНВАРЬ, ФЕВРАЛЬ, МАРТЬ, АПРѢЛЬ, МАЙ, ІЮНЬ. 1870 ГОДЪ.

СОДЕРЖАНИЕ:

I. Объ изданіи «Русской Старины»	1	XI. Записки М. И. Глининъ 1804-1854 гг. части I и II	313
II. Военныи быть въ Беломъ Новогородѣ XI—XV ст. Изслѣдованіе А. И. Никитскаго	5	XII. Указы, реескрипты, письма: Петра I, Екатерины I, Анны Ивановны, Ивана Антоновича, Павла I, императрицы Марии Федоровны, импер. Александра I и Николая Павловича. 1705-1826 гг.	389
III. Журналъ генерал-фельдмаршала кн. Ю. Ю. Трубецкаго 1717-1763 гг.	33	XIII. Письма, разсказы и замѣтки относящіяся до государ. дѣтелей: кн. М. М. Щербатова, гр. Аракчеева, кн. М. И. Голенищева—Кутузова—Смоленскаго; гр. П. П. Коновницына, генер. Фуля, А. С. Шишкова, архимандрита Фотія и И. Н. Скобелева, 1789-1826 гг.	478
IV. Записки придв. бригадицкаго Позье 1729-1764 гг. и пис. Пикара 1781 г.	128	XIV. Русские писатели XVIII-го вѣка: Олешикъ въ Днѣтрѣвъ—Маконовъ, изслѣд. М. Н. Лонгинова	541
V. Записки Лагарпіи о воспитаніи в. к. Александра и Константина Павловичъ 1786-1789 гг.	152	XV. Русские писатели XIX-го вѣка: К. Н. Батюшковъ, кн. А. И. Одоевскій, В. К. Кюхельбекеръ, И. А. Крыловъ, А. С. Пушкинъ, Н. А. Полевой и Ф. Ф. Вигель	549
VI. Воспоминанія гр. Коновницына, адмирала Колзакова, А. П. Степанова, сенатора И. Д. Данилова, Н. А. Титова, А. П. Корниль, генер. Н. Г. Смыгунова 1808-1826 гг.	207	XVI. Некрологъ: о М. Я. Морошининъ. (+ 15 апрѣля 1870 г.).	579
VII. Записки М. А. Бестужева: I. Братья Бестужевы. II. Стѣнная азбука въ Петров. крѣпости 1820-1826 гг.	253	XVII. Библ. листокъ рус. истор. книгъ	1-20
VIII. Бунты военныхъ поссланъ, разсказы очевидцевъ: о. И. Пархома и П. Н. Дирина 1831 г.	275		
IX. Записки императора Николая Павловича о Пруссіяхъ дѣлахъ 1848 г.	289		
X. Оборона Петропавловскаго порта въ Камчаткѣ 1854 г., записки контр-адмирала А. П. Арбузова	298		

ПРИЛОЖЕНІЕ: Записки А. Т. Болотова 1738-1794 гг. части I—IV., письма 1—47., съ портретомъ и 22-ма рисунками, исполненными авторомъ и гравированными акад. Л. А. Страховскимъ. Быть статьѣ А. П. Арбузова приложенъ планъ Камчатскаго порта въ 1854 г., исполн. въ картогр. завед. А. А. Ильина.

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ.

Печатня

В. Н. Головиза,

1870.

вдобавокъ самъ главнокомандующій. Дѣло прекратилось около часу по полудни.

Вандамма повезли къ Теплицу, но повозка его вѣзжала въ городъ въ самое то время, когда проходили полки союзныхъ армій и должна была у самой заставы остановиться. Бѣшенство Вандамма было ужасное; онъ думалъ, что его выставили на показъ, въ особенности австрійскихъ полковъ, которые, указывая на него пальцами, громко смеялись и подтрунивали надъ нимъ. Въ это время императору Францу случилось пройзжать мимо съ своимъ штабомъ. Высунувшись изъ кибитки, Вандаммъ обратился къ нему почти съ угрою: «Sire, c'est ainsi que vous traitez un général au service de l'empereur Napoléon, votre proche parent? Je lui ferai connaître vos procédés, prenez garde qu'il ne s'en venge». Императоръ австрійскій потерпѣлъ себѣ руки и проскакалъ мимо, приговаривая: «Ce n'est pas ma faute».

Вандамма отвезли сначала въ Прагу, гдѣ жители, ненавидѣвшіе его за прежнія жестокости и страшныя контрибуціи во время занятія французами нѣмеckихъ городовъ, приняли маршала весьма враждебно. Народъ сталъ бросать въ него камни, чернь кидалась на повозку, такъ что казацкій конвой насилу могъ его защитить. При этомъ восемь казаковъ было ранено камнями. Впослѣдствіи Вандамма отвезли въ Россію, гдѣ онъ и пробылъ въ Вяткѣ до самаго окончанія войны.

Сообщ. К. П. Кохановъ.

ВЫДРЖКИ ИЗЪ ЗАПИСОКЪ Н. А. ТИТОВА.

I.

Малолѣтніе отдѣленіе I-го кадетскаго корпуса

въ 1808 г.

.....Въ началѣ 1808 года отданы были мы съ братомъ Петромъ въ 1-й кадетскій корпусъ. Предварительно были мы представлены на смотръ къ цесаревичу в. к. Константину Павловичу, жившему въ Мраморномъ дворцѣ.

Когда привезли нась въ корпусъ, нась отвели въ лазареть, гдѣ нась раздѣли, осмотрѣли наше тѣлосложеніе, а потомъ

привили оспу. Поступили мы въ 5-ю камеру малолѣтнаго отдѣленія, которую завѣдывала мадамъ Альбедиль *), женщина пожилыхъ лѣтъ, высокаго роста, худая, черноволосая, косая и къ довершенню пресердитая. При камерѣ были двѣ нянѣки, первая половина малолѣтныхъ принадлежала Ивановнѣ, вторая же — Акулинѣ; у этой послѣдней находились и мы. Трудно было сначала привыкать къ казенной пищѣ и казенному бѣллю. По утрамъ вмѣсто чая намъ давали овсяный супъ и полубѣлую булку. За обѣдомъ кормили насъ плохо: дадутъ тарелку супу, кусокъ жесткой говядины и пирогъ съ кашей, или со шпеномъ, или говядиной. По праздникамъ давали пирожное — хворости. Послѣ классовъ во время рекреаций, мы играли въ большой залѣ, гдѣ въ 4 часа становили насъ по камерамъ и вмѣсто вечерняго чая давали по полубѣлой булкѣ и по стакану воды; ужинъ состоялъ изъ тарелки супа и гречневой каши съ масломъ. Мы носили на головѣ шапки-венгерки съ кисточкою изъ разноцвѣтныхъ суконъ. Сколько разъ бывало за ужиномъ, когда давали кашу, выложишь ее въ венгерку и унесешь съ собою въ камеру, спрячешь подъ подушку и поутру лакомишься этою кашею, вынимая ее пригоршней. Иной разъ за ужиномъ давали намъ пряженцы. Это просто былъ ломоть бѣлаго хлѣба, обжаренного въ маслѣ..

По вечерамъ и по утрамъ Акулина поила насъ чаемъ, который присыпала ей матушка, и конечно при этомъ дарила ее деньгами, потому что Акулина насъ особенно отличала. Я былъ мальчикъ бойкій, смысленный, но шалунъ. Поступилъ я прямо въ 3-й классъ, и — дебютировалъ тѣмъ, что когда учитель Житковъ подошедши ко мнѣ спросилъ: «какъ твоя фамилія?» это фамильярное слово тебя такъ меня озадачило, что и я его спросилъ: «а тебя какъ зовутъ?» Не помню только какъ, но я былъ за это наказанъ. Въ первый же годъ пребыванія моего въ корпусѣ, выдержавъ отлично экзаменъ, я получилъ въ подарокъ книгу; при переходѣ во 2-й классъ, я получилъ двѣ

*) Начальницы камеръ были: первой — госпожа Бертольдъ, она же и инспекторка; второй — Алабова; третьей дѣв. Эйлеръ, уже пожилая и сѣдала; четвертой — г-жа Воронцова; пятой — г-жа Альбедиль и шестой — г-жа Бониотъ; эта послѣдняя была всѣхъ добрѣе. Одна изъ дочерей ея была красавица.

Н. А. Титовъ.

книги, при переходѣ же въ первый классъ — три. Подарки эти раздавались торжественно.

Всѣ малолѣтніе шести камеръ приводились въ рекреаціонный залъ, гдѣ былъ поставленъ большой столъ покрытый краснымъ сукномъ, обложеннымъ золотымъ галуномъ, и на углахъ этого покрывала висѣли золотыя кисти. На столѣ были разложены подарки, состоявшіе изъ книгъ, бумаги и карандашей; книги были связаны по три, по двѣ, пунцовыми лентами. Раздавалъ ихъ директоръ корпуса, генераль-лейтенантъ Клингеръ; инспекторъ же классовъ, полковникъ Перскій, вызывалъ удостоенныхъ къ подаркамъ. Въ этотъ день и обѣдь былъ праздничный, то-есть съ пирожнымъ. Генераль Клингеръ былъ роста высокаго, сѣдой, съ нависшими, густыми бѣлыми бровями; лицо его было безцвѣтное, взглядъ суровый, угрюмый, и вообще вся личность его вселяла страхъ. Никогда не говорилъ онъ ни съ кѣмъ изъ кадетъ; когда посѣщалъ онъ малолѣтніе отдѣленіе, то молча обходилъ классы*). Инспекторъ же классовъ, полковникъ Михаилъ Степановичъ Перскій, былъ напротивъ чрезвычайно ласковъ, внимателенъ къ воспитанникамъ, говорилъ съ ними; однимъ словомъ, какъ директора не жаловали вообще въ корпусѣ, такъ любили всѣ инспектора. Личность и вся фигура генерала Клингера напоминала прусскаго короля Фридриха Второго. Михаилъ Степановичъ Перскій былъ флигель-адъютантомъ и носилъ финляндскій мундиръ, шляпу же носилъ всегда по формѣ.

Кадеты малолѣтнаго отдѣленія носили темнозеленые длиннополые сюртуки съ краснымъ воротникомъ, брюки такого же цвѣта, галстуковъ не было, и воротникъ отъ рубашки откладывался по воротнику; обувь — бѣлые чулки и башмаки. При отпускѣ со двора давался черный поясковый картузъ съ длиннымъ прямымъ поясковымъ же козырькомъ, отороченнымъ черною тесьмою. Когда въ зимнее время отпускали воспитанниковъ со двора, родители обязаны были присыпать на нихъ теплую одежду. Церковь въ корпусѣ была общая, какъ для ротныхъ, такъ и для малолѣтніхъ. Придетъ, бывало, въ воскресенье дежурный по корпусу капитанъ и поведутъ насъ въ нее. Намъ всегда

*) Клингеръ говоривалъ: «русскихъ надо менѣе учить, а болѣе бить».
Н. А. Титовъ.

предстояло проходить по галереймъ мимо покоя, где ставили покойниковъ и мы обыкновенно заглядывали въ окно, не увидимъ ли умершаго; случалось, что любопытство наше было удовлетворено. Лазаретъ малолѣтнихъ былъ особый отъ ротныхъ. Смотрильница лазарета была г-жа Стадлеръ, женщина пожилыхъ лѣтъ и высокаго роста, дородная, ходила въ очкахъ. Въ лазаретѣ кормили хорошо.

По субботамъ приѣзжалъ въ 12 часовъ дантистъ, насть приводили въ залъ, где онъ осматривалъ наши зубы; у кого оказывался испорченный зубъ, того ставилъ онъ въ сторону и, по окончаніи осмотра, производилась операция. Подобный случай былъ и со мною, и когда я испыталъ на себѣ, что операциѣ эта крайне мучительна, тогда въ другой разъ, когда я былъ оставленъ въ сторонѣ, я пролѣзъ подъ столъ и убѣжалъ, и тѣмъ спасся отъ единожды уже испытанной операциї.

Каждый годъ на страстной недѣльѣ малолѣтное отдѣленіе говѣло и, бывало, въ среду придетъ отецъ Стакій и исповѣдуется насть всѣхъ за разъ; оказывалось, что мы были грѣшны по всѣмъ заповѣдямъ.

Мадамъ Альбедиль приходила иной разъ къ обѣду, помимо дня своего дежурства, что было намъ, кадетамъ 1-го класса, крайне непріятно, потому, что она возвѣщала во всеуслышаніе: «messieurs, la première classe viendra chez moi». Это значило, что кадеты 1-го класса тотчасъ послѣ обѣда должны были прийти къ ней и, вмѣсто рекреаціи, обязаны были въ продолженіи часа выучить урокъ изъ *Vocabulaire en trois langues*. Невыучившій въ промежутокѣ этого времени урока, подвергался вечеромъ наказанію, т.-е. розгамъ. Нянѣка Ивановна сѣкала больно. Тычки, пиньки, оплеухи, драные за волосы и за уши, битье линейкою по пальцамъ — все это было дѣло обыкновенное.

Лѣтомъ выводили насть гулять въ садъ, а по воскресеньямъ и другимъ праздникамъ насть пускали, конечно подъ присмотромъ дежурной дамы и нянекъ, въ большой садъ, где мы сходились съ ротными кадетами и такимъ образомъ съ ними знакомились. Въ большомъ саду всѣ стѣны были исписаны сентенціями знаменитаго графа Ангальта, бывшаго нѣкогда директоромъ 1-го кадетскаго корпуса. Сентенціи эти напечатаны были особою книгою, небольшого формата, подъ названіемъ: *La tige*

raille parlante. Въ числѣ книгъ полученныхъ мною на экзаменахъ, я получилъ и эту книгу. По случаю смерти старшаго брата моего, который воспитывался въ пажескомъ корпусѣ, гдѣ и умеръ въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1810 года, мать моя пожелала взять насъ изъ корпуса, изъ коего, по просьбѣ ея, были мы уволены въ началѣ 1811 года.

Въ числѣ офицеровъ 1-го кадетскаго корпуса, находился капитанъ Карлъ Карловичъ Мердеръ. Шефомъ корпуса былъ цесаревичъ Константина Павловичъ.

Въ 1846 году навѣстить я племянника моего, воспитывавшагося въ 1-мъ кадетскомъ корпусѣ. Сколько перемѣнъ нашелъ я тамъ, конечно къ лучшему. Малолѣтній корпусъ уже не существовалъ; онъ былъ переведенъ въ Царское Село. Эти холодные галлерей, по которымъ ходили и бѣгали мы зимою и осенью въ классы и внизъ по лѣстницѣ въ столовую, обращены были въ теплые и свѣтлые коридоры; рекреационный залъ и столовая обратились въ великолѣпныя залы...

II.

Балъ у графа Аракчеева въ 1820 году.

Въ декабрѣ мѣсяцѣ 1820 года, у графа Аракчеева былъ маскарадъ и балъ, устроенный въ честь двоюродной сестры моей, В. А. Клейнмихель, къ которой графъ былъ особенно расположенъ. Какъ родственники В. А., сестра моя А., братъ мой А. и я принимали участіе въ этомъ маскарадѣ. Хотя я былъ портупей-юнкеромъ, но былъ костюмированъ тирольцемъ, и будучи въ маскѣ, обходился весьма фамильярно съ графомъ, такъ, что онъ сказалъ своимъ гнусливымъ голосомъ: «видно знакомая маска». Маскарадъ продолжался недолго, вслѣдъ за нимъ начался балъ; дамы оставались въ костюмахъ, а кавалеры должны были переодѣться въ мундиры. Я также долженъ былъ явиться на балъ, а потому отправились мы съ братомъ на квартиру къ П. А. Клейнмихелю, который жилъ напротивъ, гдѣ переодѣвшись явились на балъ. Какъ шалунъ и проказникъ, и здѣсь не могъ я удержаться, чтобъ не напроказничать. Во-первыхъ, я вошелъ въ первую комнату въ киверѣ, что увидавъ, Клейнмихель подошелъ тотчасъ ко мнѣ: «ты, мальчишка, и здѣсь думашь шутить,

какъ и вездѣ, сказаъ онъ мнѣ, сними сейчасъ киверъ и пойдемъ, я представлю тебя графу». Я вошелъ въ залъ, въ коемъ графъ принималъ гостей, и Клейнмихель представилъ меня графу, сказавъ, что я двоюродный братъ жены его. Аракчеевъ мнѣ поклонился, пожалъ мнѣ руку, сказавъ: «очень радъ». Предложивъ мнѣ снять амуницию, просилъ быть безъ церемоніи и танцевать. Повѣшивъ въ передней на вѣшалку киверъ и тесакъ, я вошелъ въ залъ, надѣвъ вместо перчатокъ рукавицы. Замѣтивъ это, Клейнмихель снова подошелъ ко мнѣ: «ты забылъ, мальчишка, у кого ты?» сказаъ онъ мнѣ выйдя изъ себя:—пошелъ сейчасъ ко мнѣ и возьми мои перчатки». Я отвѣчалъ ему, что напротивъ, я очень хорошо помню, что у графа Аракчеева, а потому и не смѣль надѣть перчатки, не имѣя на это права, а между тѣмъ перчатки были у меня за рукавомъ. Надѣвъ ихъ, я всталъ у дверей. Аракчеевъ снова подошелъ ко мнѣ и приглашалъ танцевать. Такъ какъ солдатъ кланяться не смѣеть, то я, вместо поклоновъ, шаркалъ и стучалъ каблукомъ объ каблукъ, оставаясь все-таки у дверей. Наконецъ графъ подошелъ ко мнѣ и крикнулъ: «да что же ты не танцуешь!» Я, какъ стоялъ и увидѣвъ прямо передъ собою сидящую сестру мою, отправился черезъ залъ на нее, но отуманенный, остановился передъ сидящею рядомъ съ сестрою, матерью Клейнмихеля и кланяясь ей сказалъ: «ежели ты не желаешь, чтобы я былъ въ Сибири, провальсируй со мною». Старушка захочатала, сказавъ мнѣ: «подлѣ меня сестра твоя, проси ее; ты съ ума сошелъ, я не танцую».— Провальсировавъ съ сестрою, я снова всталъ у дверей, но какъ-бы нарочно, графъ всегда стоялъ или подлѣ, или близъ меня, такъ что когда разносили питье, или мороженое, я не бралъ ни того, ни другого, а между тѣмъ пить хотѣлось ужасно. Наконецъ забрались мы съ графомъ Н. въ голубую гостинную, где стоялъ столъ съ фруктами и гдѣ никого не было, и тутъ-то мы дали себѣ волю. Во время попури, который танцевалъ я съ моей сестрою, мнѣ пришлось стоять спиною къ знаменамъ; надо сказать, что танцевали въ знамённой залѣ, а какъ графъ былъ шефомъ полка его имени, то и знамена находились въ его домѣ. На мою бѣду, кто-то, вальсируя, толкнулъ меня такъ сильно, что я чуть не уронилъ знамёна. Смотрю, графъ подходитъ ко мнѣ и говоритъ: «вы знамена чуть не уронили, знаете ли, что

это священная вещь». Я не зналъ что и отвѣтить, но меня выручилъ стоявшій подлѣ меня пріятель графа, Г., сказавъ, что я не виноватъ, но что меня танцующій сшибъ-было съ ногъ *).— Недождавшись ужина, мы съ братомъ отправились домой; но когда услышались ужинать, графъ замѣтилъ наше отсутствіе и спросилъ Клейнмихеля: «Петръ Андреевичъ, а гдѣ же братцы твоей супруги?» Онъ отвѣталъ, что одному изъ нихъ сдѣлалось дурно и поэтому они уѣхали. «Скажи-ка ты имъ, чтобы они въ понедѣльникъ приѣхали ко мнѣ обѣдать».

На другой день, когда я пришелъ къ Клейнмихелю, онъ меня сильно журилъ за мои продѣлки, а когда сказалъ мнѣ, что я приглашенъ на обѣдь къ графу, я ему отвѣталъ, что я приду, но принесу съ собою деревянную ложку, такъ какъ нижнимъ чинамъ серебряныхъ ложекъ не полагается.— «Отъ тебя всего можно ожидать, а потому лучше не приходи, а я скажу, что ты дежурный»....

ПРИНЯТИЕ ВЪ МАСОНЫ ВЪ 1815 ГОДУ **).

I.

1815 года юна 14 дня, послѣ обѣда въ 6 часовъ, камеръ-юнкеръ Дивовъ привезъ меня въ ложу вольныхъ каменщиковъ. Я былъ введенъ въ покой, гдѣ дожидался болѣе часа, пока кончился обрядъ принятия другого профана Г. М. князя Одоевскаго и вошелъ ко мнѣ человѣкъ, одѣтый просто во фракъ. Онъ завязалъ мнѣ глаза и повелъ чрезъ большой рядъ покоевъ; но вдругъ остановился. Я услышалъ громъ запоровъ, заскрипѣли двери и мы переступили черезъ порогъ. Привожатый посадилъ

*) Когда во время попури танцевали мазурку, то г-жа Е. выбрала генераль-адъютанта Л., и онъ, къ удовольствію графа, сдѣлалъ съ нею два тура.

Н. Т.

**) Печатаемая подъ этими заглавиемъ статья сохранилась въ бумагахъ, оставшихся послѣ А. П. Степанова, даровитаго автора «Постоялаго двора», «Поѣздка въ Маймачинъ, Енисейской губерніи», и пр., о которомъ предоставляемъ себѣ впослѣдствіи поговорить подробнѣе. Рукопись сообщена намъ сыномъ А. П., генераль-лейтенантомъ Петромъ Александровичемъ Степановымъ.

Ред.